

Особенности материнского отношения и привязанность ребенка к матери

Н.Н. Авдеева,
кандидат психологических наук,
профессор кафедры возрастной
психологии МГППУ

Цель работы – теоретический анализ исследований, выявляющих культурно-специфические особенности материнского отношения, особенности взаимодействия и характер привязанности ребенка к матери в раннем детстве. В статье излагаются основные положения и выводы теории привязанности в зарубежной психологии. Акцент сделан на социокультурном аспекте формирования надежной и ненадежной привязанности. Под этим углом зрения проводится сравнение западной и восточной моделей социализации, а также анализ отечественных исследований, касающихся материнского отношения, эмоционального взаимодействия матери с ребенком и качества привязанности ребенка к матери.

Анализ отечественных исследований последнего десятилетия показывает, что на уровне тенденции прослеживаются определенные качественные характеристики материнского отношения и поведения во взаимодействии с ребенком: противоречивость, субъектно-объектная ориентация, эмоциональная амбивалентность. Подобные проявления создают условия для формирования ненадежной амбивалентной привязанности ребенка к матери. Дальнейшие исследования покажут, выступают ли выявленные тенденции факторами риска или культурно детерминированными особенностями социализации детей.

Ключевые слова: привязанность ребенка к матери, взаимодействие, материнское отношение, субъектно-объектная ориентация, ранний возраст.

В последние десятилетия в отечественной психологии приоритетными стали исследования семейного воспитания, психологии родительства, социально-эмоционального развития ребенка в семье. Собран большой эмпирический материал, касающийся детско-родительских отношений. При этом в ряде работ выявлены такие особенности семейной среды, кото-

рые, по существу, выступают в качестве факторов риска для личностного развития и психического здоровья детей [1].

В данной статье рассмотрены исследования материнского отношения как условия, способствующего формированию неблагоприятной эмоциональной привязанности ребенка к матери. Прежде чем перейти к анализу фактического материала

ла, остановимся на некоторых аспектах изучения привязанности в зарубежной психологии. Это представляется целесообразным, так как в отечественной психологии данной проблематике не придается особого значения, а экспериментальные исследования немногочисленны и фрагментарны.

Итак, общепризнанным является представление о том, что привязанность ребенка к матери (или другому близкому взрослому) служит важнейшим приобретением младенческого возраста. Признаки привязанности обнаруживаются в следующем: объект привязанности может лучше других успокоить и утешить малыша; младенец чаще, чем к другим, обращается к нему за утешением; в присутствии объекта привязанности младенец реже испытывает страх [3].

Привязанность имеет для младенца определенную ценность с точки зрения безопасности и самосохранения. Безусловно, она дает ребенку чувство уверенности при взаимодействии с окружающим миром предметов и людей, способствует адекватной социализации.

Хотя младенцы обладают врожденной способностью проявлять привязанность, выбор объекта, а также качество привязанности зависят от поведения родителей, прежде всего матери, по отношению к ребенку.

Экспериментальные исследования М. Эйнсворт с использованием теста «Незнакомая ситуация» позволили выявить четыре типа привязанности младенца к матери в зависимости от реакции на разлуку, степень воздействия ее на ребенка и того, насколько легко объект привязанности может успокоить малыша после слабого стресса:

- 1) надежная или безопасная привязанность;
- 2) ненадежная, небезопасная привязанность избегающего типа;
- 3) ненадежная небезопасная привязанность тревожно-сопротивляющегося типа;
- 4) ненадежная небезопасная привязанность дезорганизованного типа [11].

М. Эйнсворт полагает, что качество привязанности младенца к матери (близкому

взрослому) в значительной мере зависит от качества ухода за ним. В соответствии с этой гипотезой считается, что матери надежно привязанных младенцев наиболее чувствительны и отзывчивы к потребностям ребенка. Обзор 66 исследований позволил выявить характеристики матерей, способствующие формированию надежной привязанности. К ним относятся сензитивность, выражающаяся в быстрых и адекватных реакциях на сигналы младенца; позитивная установка (выражение положительных эмоций, любви по отношению к младенцу); поддержка (постоянная эмоциональная поддержка действий ребенка); стимуляция (частое использование действий, направляющих ребенка). Такие матери во взаимодействиях с младенцем ориентируются на структурирующие, ровные взаимоотношения, проявляют тенденцию акцентировать внимание на одном и том же [11].

Таким образом, если у матери отмечается позитивная установка в отношении своего ребенка, чувствительность к его потребностям, способность к гармоничным взаимодействиям, то младенец извлекает из таких взаимоотношений поддержку и удовольствие, у него формируется надежная, безопасная привязанность к матери.

У матерей, непоследовательных в выражении заботы о младенце, проявляющих в зависимости от настроения то энтузиазм, то равнодушие, дети демонстрируют ненадежную привязанность тревожно-сопротивляющегося типа. Ребенок борется с такой непоследовательностью в проявлении материнской заботы и любви с помощью отчаянных попыток: крика, плача, цепляния, пытаясь добиться эмоциональной поддержки и утешения, а потерпев неудачу, становится озлобленным и мстительным.

Исследования показывают, что по крайней мере два паттерна воспитания приводят к формированию ненадежной привязанности избегающего типа. Некоторые матери «избегающих» младенцев часто нетерпеливы со своими детьми, неотзывчивы к их сигналам, склонны к выражению негативных чувств по отношению к ребен-

ку. Такие матери не испытывают удовольствия от близкого контакта с младенцем, центрированы на себе, проявляют отвергающее отношение к ребенку.

В других случаях «избегающие» младенцы растут у чрезмерно ревностных матерей, бесконечно сюсюкающих с ними и обеспечивающих высокий уровень стимуляции даже тогда, когда дети этого не хотят. Можно сказать, что избегающее поведение младенцев таких перестимулирующих матерей является целесообразным и адаптивным. В то время как «сопротивляющиеся» младенцы совершают энергичные попытки добиться эмоциональной поддержки, «избегающие» младенцы учатся обходиться без нее.

Дезорганизованная, дезориентированная привязанность часто формируется у детей, матери которых испытывали в детстве пренебрежение или жестокое обращение со стороны собственных родителей. Такие матери, воспроизводя опыт отношений в родительской семье, часто проявляют пренебрежение, позволяют себе плохое обращение с младенцем. Вследствие плохого обращения ребенок не знает, приблизиться ли к матери для получения приятных эмоций или отступить в целях безопасности. Подобное смещение приближения и избегания, сопровождаемое печалью при воссоединении с матерью, также характерно для детей депрессивных матерей [11].

Привязанность, закладывающаяся в раннем детстве, влияет на поведение ребенка в будущем. В процессе многократно повторяющихся взаимодействий с матерью и другими близкими у ребенка формируются так называемые рабочие модели себя и других людей. В дальнейшем они помогают ему ориентироваться в новых ситуациях, интерпретировать их и соответствующим образом реагировать на них. Внимательные, чувствительные, заботливые родители формируют у ребенка чувство базисного доверия к миру, у него создается позитивная рабочая модель окружающих. Дисгармоничные отношения, наоборот, убеждают ребенка в том, что другие люди, так же как и родители, не являются

надежными, предсказуемыми партнерами, которым можно доверять (негативная рабочая модель других). Результатом взаимодействия и общения оказывается также рабочая модель себя. При позитивной модели у ребенка формируется инициативность, самостоятельность, уверенность и уважение к себе, а при негативной – пассивность, зависимость от других, неадекватный образ Я [3].

Сформированная в первые годы жизни первичная привязанность к близким достаточно устойчива. Большинство детей демонстрируют этот же тип привязанности в школьном возрасте в контактах со сверстниками. Так, дети с безопасной привязанностью демонстрируют больше самостоятельности, социальной компетентности во взаимодействиях со сверстниками в раннем, дошкольном возрасте и в начальной школе. Кроме того, они лучше адаптируются к новым воспитателям, учителям, проявляют больше активности и ответственности [11].

В межличностных отношениях взрослых людей также можно увидеть характерные черты первичной привязанности.

В исследовании, направленном на изучение возможных связей между типом привязанности к матери и эмоциональными отношениями в любви у взрослых, была выявлена определенная преемственность эмоциональных и поведенческих паттернов. Так, безопасная привязанность к матери в раннем детстве оказалась связанной с переживанием счастья, дружбы, доверия, небезопасная привязанность избегающего типа – со страхом близости, эмоциональными взлетами и падениями, а также с ревностью, а небезопасная привязанность тревожно-сопротивляющегося типа – с навязчивой поглощенностью любимым человеком, желанием тесного союза, эмоциональными крайностями и ревностью [8].

Последующее исследование, проведенное с учащимися колледжа, подтвердило характер таких взаимосвязей. Более того, была выявлена зависимость между типом привязанности и характером самописа-

ния. Например, испытуемые с безопасной привязанностью считали, что с ними легко общаться и большинство окружающих им симпатизируют, в то время как испытуемые с небезопасной привязанностью тревожно-спроотивляющегося типа утверждали, что другие люди их часто не понимают и недооценивают. Испытуемые с небезопасной избегающей привязанностью по своим ответам располагались между этими двумя группами, но ближе к последней.

Кроме того, у взрослых людей была выявлена связь качества привязанности с отношением к работе. Так, испытуемые с надежной, безопасной привязанностью (к матери в детстве) на работе чувствуют себя уверенно, они не боятся сделать ошибку и не позволяют, чтобы личные отношения сказывались на их работе. Испытуемые с ненадежным, избегающим типом привязанности стараются не включаться в социальные взаимодействия и, как правило, не удовлетворены своей работой, а испытуемые с ненадежной, тревожно-спроотивляющейся привязанностью на работе сильно зависят от похвалы, у них отмечается выраженный страх отвержения, а их деятельность зависит от личных отношений [8].

В последние 10 лет влияние первичной привязанности на разные сферы человеческих взаимоотношений исследуется очень интенсивно. Получены данные о влиянии эмоциональных отношений с матерью на выбор партнера и стабильность любовных отношений, на развитие депрессии у взрослых и трудности межличностных отношений, то, как индивиды справляются с кризисом [8].

Таким образом, роль ранних привязанностей в личностном развитии ребенка весьма существенна, а качество привязанности во многом определяет особенности межличностных взаимоотношений в дальнейшей жизни.

В развивающейся в последние годы клинической психологии и психиатрии раннего возраста рассматриваются нарушения привязанностей, описаны диагностические критерии расстройства привязанности. В МКБ-10 нарушения привязанности

приведены в разделе «Поведенческие и эмоциональные расстройства, начинающиеся обычно в детском и подростковом возрасте». Критериями расстройства привязанности, согласно МКБ-10, являются:

1) возраст до 5 лет;

2) неадекватные или измененные социально-родственные отношения вследствие недостатка возрастного интереса ребенка к контакту с членами семьи или другими людьми, реакция страха или чрезмерной чувствительности в присутствии незнакомых людей, не исчезающая при появлении матери или других родственников;

3) неразборчивая общительность (фамильярность, пытливые вопросы и т. д.);

4) отсутствие соматической патологии, умственной отсталости, симптомов раннего детского аутизма [6].

Возникновение расстройства привязанности возможно уже с восьмимесячного возраста. К патологическому типу относят двойственную привязанность, т. е. небезопасную привязанность тревожно-спроотивляющегося типа. Небезопасная привязанность избегающего типа рассматривается как условно-патологическая.

Выделяют два типа расстройства привязанности – реактивное и расторможенное. Реактивное расстройство привязанности проявляется аффективными нарушениями в ответ на изменение окружающих условий жизнедеятельности, но особенно ярко оно выступает в ситуации расставания с близкими взрослыми. Для таких детей характерна боязливость, повышенная настороженность в присутствии незнакомых людей, не исчезающая при утешении матери. Дети избегают общения, в том числе со сверстниками. Расторможенное расстройство привязанности проявляется в неизбирательной прилипчивости к взрослому ребенку 2–4 лет [7].

Таким образом, позиция клинических психологов выражена достаточно радикально: ненадежная привязанность является фактором риска для психического здоровья ребенка. Возникает вопрос: а как часто встречаются ненадежные привязанности в нашей культурной выборке?

Прежде чем отвечать на него, обратимся к фактам, полученным в исследованиях в других культурах.

По данным американских исследований, надежная, безопасная привязанность встречается в 65 % случаев, двойственная – в 10 %, избегающая – в 20% [11]. То есть если взять случайную выборку детей раннего возраста, то в преобладающем числе случаев у детей (с помощью методики «Незнакомая ситуация») можно выявить надежную привязанность к матери, способствующую благоприятному психическому развитию ребенка. Тревожно-сопротивляющаяся, ненадежная привязанность будет характерна только для 10% детей.

Несколько иная картина складывается на основании данных, полученных в отечественной психологии [2, 9]. Обобщая результаты трех исследований, проведенных под нашим руководством в Москве в 2000–2005 гг. (всего было обследовано более 80 диад), можно констатировать, что надежная, безопасная привязанность отмечалась примерно у 30 %; небезопасная привязанность избегающего типа – у 20 %, а небезопасная двойственная, тревожно-сопротивляющегося типа – у 50 % детей. Это означает, что в случайной выборке примерно у половины обследованных детей отмечается неблагоприятный для психического развития тип привязанности ребенка к матери, по существу, искажение, нарушение привязанности. Напрашивается вывод о том, что такой патологический, с точки зрения клинической психиатрии, тип привязанности может привести к искажениям в социально-личностном развитии ребенка, затруднить его адаптацию к дошкольному учреждению, школе, в будущем повлиять на успешность межличностных отношений, установление эмоциональных связей в собственной семье.

Картина не выглядит столь драматичной, если учесть культурные различия в классификации привязанностей. Действительно, по мере накопления кросскультурных данных выяснилось, что процент детей от 1 до 3 лет, подпадающих под различные категории привязанности, варьируется от

культуры к культуре и, вероятно, отражает культурные различия в воспитании ребенка. Например, сравнение американских детей с немецкими показало, что в ФРГ по результатам теста «Незнакомая ситуация» только одна треть детей была отнесена к «надежно привязанным». Почти половину детей, названных «избегающими», сочли таковыми из-за того, что они не потянулись к матери, когда та вошла в комнату. Авторы исследования объяснили поведение детей тем, что родители и другие взрослые приучили их сдерживать свои эмоции. В северной Германии (где проводилось исследование) родители умышленно поощряют детей к независимости и склонны к отлучению малышей от постоянного тесного эмоционального и физического контакта.

Сравнение американской и японской выборок показало, что интенсивный страх перед незнакомцами и сепарационная тревога, характерные для тревожно-сопротивляющейся привязанности, чаще встречаются у японских детей, где матери редко оставляют детей с другими людьми. Аналогичные данные были получены в Израиле у детей, воспитывающихся в кибуцах. В подобных поселениях осуществляется коллективное воспитание детей, они спят в специальных домах и не имеют доступа к родителям по ночам [11].

Западные исследователи в целом интерпретируют эти данные как доказательство того, что значимость привязанности, в частности надежности привязанности, универсальна для всех культур, в то время как культурные различия в классификации привязанностей просто иллюстрируют, как разнообразные культурные паттерны воспитания приводят к формированию надежной или ненадежной привязанности. Однако другие исследователи придерживаются противоположной точки зрения, доказывая, что само понятие надежной (или ненадежной) привязанности варьируется от культуры к культуре.

Влияние культурного контекста на формирование привязанности ярко иллюстрируют данные кросскультурных исследований. Сопоставление западной и восточной

моделей социализации показывает, что, например, в Японии матери реагируют на младенцев совсем не так, как на Западе. В сравнении с американскими, японские матери поддерживают значительно более тесный контакт с младенцами, стараясь предугадать и удовлетворить все их потребности. Японские матери придают большое значение социальным взаимодействиям и меньшее – исследовательской активности. Во взаимодействиях с ребенком они стремятся к воспитанию взаимозависимости, способствуют развитию детского амиэ – состояния тотальной зависимости от матери и презумпции материнской любви и потакания ребенку. При такой практике воспитания не удивительно, что японских детей угнетает разлука с матерью и они цепляются за нее при воссоединении. В связи с этим многие из них характеризуются как ненадежно привязанные в соответствии с тестом «Незнакомая ситуация». Но формирование здорового чувства взаимозависимости рассматривается в Японии как культурная ценность и высокоадаптивная характеристика. Для японцев это признак надежности привязанности, так как она является этапом развития ценной в данной культуре общественной ориентации [11]. Напротив, в западных обществах привязанность используется для поощрения отделения от матери, самостоятельности ребенка, что ведет к обретению независимости и автономии, позволяющим достигать индивидуальных целей. В целом как значение, так и долгосрочные последствия надежных привязанностей могут различаться от культуры к культуре и отражать ценности, важные в том или ином обществе.

Можно ли сказать, что большой процент детей с тревожно-сопротивляющимся типом привязанности в российских исследованиях является культурно специфическим феноменом? Безусловно, чтобы получить ответ на этот вопрос, следует провести более обширные исследования. Однако экспериментальные данные, полученные в последнее время в работах, посвященных детско-родительским отношениям, пред-

ставляют ряд косвенных доказательств в пользу этого предположения. Перейдем к их последовательному рассмотрению.

Прежде всего остановимся на исследовании взаимосвязи психологической готовности к материнству, материнского поведения и психического развития младенцев [6]. Результаты лонгитюдного исследования выявили наличие статистически значимой связи между уровнем психологической готовности женщины к материнству, ее реальным материнским поведением и особенностями развития сопереживания и образа себя в первые годы жизни ребенка. При этом в качестве системообразующего фактора выступает субъектно-объектное измерение отношения матери к ребенку начиная с пренатального периода. По данному параметру обследованная выборка матерей разделилась на три группы.

Первую группу составили 23 % женщин, которые характеризовались низким уровнем готовности к материнству и низким уровнем взаимодействия с детьми. Это выражалось в наличии колебаний по поводу принятия решения иметь ребенка, негативных ощущений и переживаний в период беременности, отсутствии образа будущего ребенка, установках на соблюдение режима, а не учета потребностей ребенка. Во взаимодействии с ребенком у этой группы матерей прослеживалась преимущественно объектная ориентация, в которой младенец выступал скорее как объект ухода, а не субъект, личность. Они также часто указывали на отсутствие в собственном детстве привязанности к матери и строгое воспитание в семье.

Наблюдения взаимодействия матерей с детьми в режимные моменты (кормление, переодевание, свободное бодрствование и др.) показали, что матери этой группы мало разговаривают с младенцем, не комментируют его и собственных действий, не используют беби-ток (особо интонированную детскую речь) и редко употребляют ласковые слова. Они часто затрудняются в определении причин плача малыша, практикуют кормление из бутылочки не на руках, а в кровати. Кроме того, они, как правило,

не замечают инициативных проявлений ребенка или игнорируют их, не соотносят свое поведение с поведением ребенка, не проявляют заинтересованности в игре и общении с малышом.

Вторую группу, с преимущественно субъектным, личностно ориентированным отношением к ребенку, составили 27 % женщин. Они демонстрировали высокий уровень готовности к материнству, отмечали преобладание положительных ощущений и переживаний в период беременности, выражали позитивное отношение к будущему ребенку, преимущественно ориентировались на соблюдение мягкого режима, указывали на привязанность к собственной матери, тесные эмоциональные отношения с родителями.

Во взаимодействии с ребенком матери этой группы практикуют личностно ориентированное общение: много разговаривают с ребенком, используют беби-ток, ласковые обращения, часто берут его на руки, проявляют чувствительность к сигналам младенца, поддерживают его инициативу, включаются в общение и взаимодействие с ребенком.

Матери *третьей группы* составили 50 % выборки и были определены как смешанный тип. При исследовании готовности к материнству женщины этой группы давали ответы, частично схожие с ответами первой группы, частично с ответами второй группы. Аналогично при наблюдении реального взаимодействия с детьми у них отмечалось нестабильное поведение, имеющее черты как субъектно ориентированного, так и объектно ориентированного отношения к ребенку. Так, например, они чутко реагируют на плач, но не выражают сочувствия младенцу, даже поддразнивают его, когда он обижается и расстраивается, лишь изредка используют ласковую интонацию и беби-ток. При пеленании не всегда учитывают действия ребенка, обращаются с ним как с куклой. В ситуации общения такие матери не всякий раз откликаются на инициативу малыша, не проявляют гибкость и синхронность во взаимодействиях с ребенком.

По данным отечественных исследований привязанности, эта группа матерей со смешанным субъектно-объектным отношением к ребенку репрезентирует наиболее часто встречающийся тип материнского отношения и соответствует доле детей с тревожно-сопротивляющимся типом привязанности. По существу, матери третьей группы (со смешанным субъектно-объектным отношением к ребенку) – это и есть те матери, дети которых в силу неустойчивости и нестабильности материнского поведения формируют ненадежную привязанность тревожно-сопротивляющегося типа. Именно нестабильное, то принимающее, то игнорирующее, поведение матери, ее отношение к ребенку то как к личности, то как к объекту ухода приводит к развитию непрочной привязанности, характеризующейся амбивалентностью и аффективностью.

Важные для нашего обсуждения специфики материнского отношения факты получены в экспериментальном исследовании особенностей эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми дошкольного возраста [4].

В обследовании принимали участие 106 матерей дошкольников. Полученные результаты показали, что выше всего матери оценивают свою способность воспринимать состояние ребенка. Близкие по значению показатели были выявлены относительно таких характеристик, как чувства, испытываемые в ситуации взаимодействия, и стремление к тесному контакту. Эти данные позволяют в целом положительно оценить эмоциональные взаимодействия матерей с детьми. Большинство матерей испытывают позитивные чувства во взаимодействии со своим ребенком, стремятся к более тесному контакту с ним, хорошо знают особенности ребенка и умеют распознавать его состояние. Однако одновременно с этими позитивными тенденциями в исследовании были выявлены низкие показатели некоторых важных характеристик эмоционального взаимодействия, которые делают картину не столь благоприятной. Так, на фоне вы-

сокоразвитой способности распознавать эмоциональное состояние ребенка отмечается низкая степень ориентации матерей на это состояние при построении реального взаимодействия с ребенком. Это означает, что, несмотря на то что матери хорошо понимают состояние ребенка, они не считают нужным учитывать его. Гораздо чаще они ориентируются на свои собственные планы, свое настроение, не отказываются от посещения гостей из-за плохого настроения ребенка, не снижают уровень своих требований в связи с его усталостью. Большинство матерей предполагают, что ребенок должен подчиняться требованиям взрослого как безусловно важным и гораздо более значимым, чем его собственные желания и потребности. Помимо игнорирования эмоционального состояния ребенка были выявлены и другие неблагоприятные факторы материнского отношения – низкие показатели способности матерей к сопереживанию ребенку и оказанию ему эмоциональной поддержки. Правильно понимая эмоциональное состояние своего ребенка, матери тем не менее не откликаются на него, не сопереживают чувствам ребенка, не считают нужным выразить солидарность, эмоционально поддержать ребенка. Интересно, что при этом такие матери высоко оценивают свою родительскую компетентность. Итак, факты, полученные при исследовании детско-родительского эмоционального взаимодействия убедительно доказывают, что в случайной выборке большинство матерей демонстрируют тенденцию воспринимать ребенка в качестве объекта манипуляций, подчинять его не только социальным требованиям, но и собственным планам, настроению, не воспринимая его как равноправного партнера по взаимодействию. Важно отметить, что игнорирование эмоционального состояния ребенка происходит под влиянием глубокой убежденности в необходимости осуществления своей воспитательной функции. Подобные воспитательные установки входят в противоречие с условиями формирования надежной безопасной привязанности ребенка к

матери, предполагающей оказание эмоциональной поддержки, принятия ребенка, лично ориентированное взаимодействие. Нетрудно заметить, что выводы исследования хорошо согласуются с данными С.Ю. Мещеряковой о превалирующем типе материнского отношения при изучении готовности к материнству и взаимодействию матерей с детьми первых лет жизни.

Важные данные о характере эмоционального отношения российских матерей к детям были получены в исследовании Б.М.Э. Санчес, посвященном сравнительному анализу социокультурной ситуации развития дошкольников в России и Эквадоре [10]. В этом исследовании, в частности с помощью анкетного опроса, изучались чувства и эмоции, которые взрослые испытывают по отношению к детям. Полученные ответы позволили выявить определенные различия в эмоциональном отношении к детям в российской и эквадорской выборках матерей. Эти различия заключаются в том, что эмоции российских взрослых являются более разнообразными и амбивалентными. Так, отрицательные эмоции по отношению к детям (гнев, раздражение, усталость) наблюдались только в российской выборке (около 20 % респондентов). В то же время частота фиксаций положительных эмоций (радость, удовлетворение, приятное удивление) у российских матерей тоже была значительно выше. При этом часто в одной и той же анкете среди типичных эмоциональных состояний, вызываемых ребенком, указывались противоположные эмоции – радость и гнев, приятное удивление и усталость. Таким образом, кросскультурное исследование показало, что отношение матерей к детям в России является более напряженным и амбивалентным, а в Эквадоре более целостным и последовательно позитивным.

Выявленная тенденция подтверждается также данными о родительской самооценке. В России почти в три раза больше матерей, которые отрицательно оценили исполнение своих материнских обязанностей. В Эквадоре, наоборот, большинство матерей (90 %) считали себя хорошими матерями.

Кроме того, результаты исследования обнаружили значимые различия в показателях эмоционального самоощущения детей в их отношениях с близкими родственниками, и прежде всего с матерью. Как показал анализ рисунков детей из России и Эквадора, эмоциональный тонус российских детей является более низким, а их отношения с близкими взрослыми более холодными и отчужденными. Об этом, в частности, свидетельствует цветовая гамма (преобладание холодных и черных тонов), большая пространственная дистанция между членами семьи, большая удаленность от матери, отсутствие положительных эмоций на лицах изображенных людей. Примерно в половине случаев (46 %) на рисунках московских детей вообще отсутствовала фигура матери либо фигура самого ребенка. При этом дети часто говорили о том, что боятся рисовать маму, так как могут «испортить ее» своим несовершенным рисунком, что свидетельствует об отчуждении ребенка от матери, ее недоступности и неприкосновенности. Отсутствие самого ребенка на рисунке также выступает как очень тревожный признак сниженной самооценки, неблагоприятного самоощущения, невыделенности своего Я.

В целом исследование Б.М.Э. Санчес показало, что для российских матерей, по сравнению с эквадорскими, характерны амбивалентное эмоциональное отношение к ребенку, неуверенность в своих воспитательных воздействиях, эмоциональная дистанция, более высокая требовательность к морально-нравственному облику детей.

Еще одним аргументом в подтверждение выявленной тенденции – преобладания двойственного, противоречивого отношения к ребенку у российских матерей – являются данные о преобладающих типах семейного воспитания. В дипломной работе Е.А. Костицыной (2001) рассмотрено влияние типов воспитания на формирование образа Я у детей старшего дошкольного возраста.

По результатам исследования было получено следующее распределение воспи-

тательных стратегий: принятие и любовь – 20 %; гиперпротекция – 10 %; гипопека – 5 %; непоследовательность и противоречивость – 65 % [4]. Таким образом, преобладающим типами воспитания выступают непоследовательность и противоречивость. Поскольку в исследовании принимали участие только матери, такой стиль воспитания характеризовал именно материнское отношение и противоречивое амбивалентное поведение матери во взаимодействиях с ребенком. У детей, растущих в семьях с подобным типом воспитания, были выявлены задержки и нарушения в развитии образа Я, проявляющиеся в аморфности структуры, неустойчивости, заниженном представлении о себе [5].

Итак, подводя итоги вышеприведенного анализа, можно утверждать, что на уровне тенденции прослеживается определенное качество материнского отношения и поведения во взаимодействии с ребенком, которое характеризуется противоречивостью, субъектно-объектной ориентацией, эмоциональной амбивалентностью. Подобные проявления создают условия для формирования ненадежной тревожно-сопротивляющейся привязанности ребенка к матери.

Дальнейшие исследования могут показать, являются ли обнаруженные тенденции факторами риска или культурно детерминированными особенностями социализации детей. В любом случае остаются открытыми вопросы: как связаны типы привязанности с культурным контекстом, какое значение с точки зрения отечественной культуры имеет тот или иной тип привязанности? Ориентирована культура на ценности автономии (как западная) или взаимозависимости (как восточная)? Вообще, хорошо это или плохо, что у большинства детей формируется ненадежная привязанность к матери? Действительно ли это отражение своеобразной амбивалентной материнской любви и что такой тип привязанности значит для развития личности ребенка, его образа и других людей? Можно ли утверждать, что амбивалентное материнское отношение является культурно специфическим и каким нормативным культурным цен-

ностям оно соответствует? Дальнейшие исследования помогут получить ответы на поставленные вопросы, что, на наш взгляд,

будет способствовать изучению культурно специфической ситуации развития ребенка на ранних этапах онтогенеза.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Среда развития и психическое здоровье ребенка. Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. М., 2003.
2. *Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А.* Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и Доме ребенка. М., 2003.
3. *Боулби Дж.* Привязанность. М., 2003.
4. *Захарова Е.И., Карabanова О.А.* Экспериментальные исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия: Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М., 2002.
5. *Костицына Е.А.* Влияние типов семейного воспитания на образ Я дошкольника и его отношение к родителям // Психологическая наука и образование. 2001. №2.
6. *Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н., Гоношенко Н.И.* Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996.
7. *Микиртумов Б.Е., Коцавцев А.Г., Гречаный С.В.* Клиническая психиатрия раннего детского возраста. СПб., 2001.
8. *Первин Л., Джон О.* Психология личности: Теория и исследования. М., 2000.
9. *Покатаева М.В.* Качественная характеристика ситуации развития ребенка в современной семье // Психологическая наука и образование. 2001. №2.
10. *Санчес Б.М.Э.* Сравнительный анализ социокультурной ситуации развития дошкольников в России и Эквадоре: Автореф. ... канд. психол. наук. М., 1994.
11. *Шеффер Д.* Дети и подростки: Психология развития. СПб., 2003.

Mother-child attachment and features of maternal attitude

N.N. Avdeeva,

Ph.D. in Psychology, Professor at the Age Psychology Department at the Moscow State University of Psychology and Education

The article gives a theoretical analysis of studies that reveal the cultural-historical specifics of maternal attitude, interaction and mother-child attachment in early childhood. The author sets forth the main positions of attachment theory, emphasizing the socio-cultural context of the development of secure attachment. From this angle the author compares the western and eastern models of socialization, and analyses Russian studies on maternal attitude, emotional interaction between mother and child, and mother-child attachment quality.

Analysis of Russian studies that were conducted over the past decade shows that there are certain qualitative characteristics of maternal attitude and behaviour in an interaction with a child that can be considered to be tendencies: contradiction, subject-object orientation, emotional ambivalence. These characteristics create conditions for insecure ambivalent attachment. Further investigations can help us to understand whether such tendencies can be regarded as risk factors or as culturally determined features of child socialization.

Keywords: mother-child attachment, interaction, maternal attitude, subject-object orientation infancy.

References

1. Avdeeva N.N. Sreda razvitiya i psicheskoe zdorov'e rebenka. Zdorov'e cheloveka: sociogumanitarnye i mediko-biologicheskie aspekty. M., 2003.
2. Avdeeva N.N., Haimovskaya N.A. Razvitie obraza sebya i privyazannosti u detei ot rozhdeniya do treh let v sem'e i Dome rebenka. M., 2003.
3. Boulbi Dzh. Privyazannost'. M., 2003.
4. Zaharova E.I., Karabanova O.A. Eksperimental'nye issledovaniya osobennosti emocional'noi storony detsko-roditel'skogo vzaimodeistviya: Vozrastno-psihologicheskii podhod v konsul'tirovanii detei i podrostkov. M., 2002.
5. Kosticyna E.A. Vliyaniye tipov semeinogo vospitaniya na obraz YA doshkol'nika i ego otnosheniye k roditelyam // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2001. №2.
6. Mesheryakova S.Yu., Avdeeva N.N., Gonoshenko N.I. Izuchenie psichologicheskoi gotovnosti k materinstvu kak faktora razvitiya posleduyushih vzaimootnoshenii // Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty. M., 1996.
7. Mikirtumov B.E., Koshavcev A.G., Grechaniyi S.V. Klinicheskaya psihiatriya rannego det'skogo vozrasta. SPb., 2001.
8. Pervin L., Dzhon O. Psihologiya lichnosti: Teoriya i issledovaniya. M., 2000.
9. Pokataeva M.V. Kachestvennaya harakteristika situacii razvitiya rebenka v sovremennoi sem'e // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2001. №2.
10. Sanches B.M.E. Sravnitel'nyi analiz socio-kul'turnoi situacii razvitiya doshkol'nikov v Rossii i Ekvadore: Avtoref. ... kand. psihol. nauk. M., 1994.
11. Sheffer D. Deti i podrostki: Psihologiya razvitiya. SPb., 2003.